

Книга «Жестовые языки» издана в серии Cambridge language surveys, в которой печатаются главным образом обзоры генетических и ареальных групп языков мира. Как пишет во вступлении редактор Д. Brentari, одной из основных целей этой книги было представить данные большого количества разных жестовых языков (далее ЖЯ), что, несомненно, создателям удалось (в ней обсуждаются более сорока ЖЯ мира). Книга состоит из трех частей: 1) передача (transmission) ЖЯ, 2) общие лингвистические характеристики ЖЯ и 3) вариативность и изменения в ЖЯ. Стоит отметить, однако, что не все главы соответствуют тематике частей.

Первая глава в этой книге - вступление, написанное Д. Brentari. В нем обсуждается, почему жестовые языки важны для лингвистики. Основной интерес, по мнению автора, представляет визуальный канал передачи (или «визуальная модальность») ЖЯ, проявления иконичности в жестах и возникновение ЖЯ из жестикуляции. Во вступлении дается также краткий обзор содержания последующих глав.

Первая часть книги посвящена истории ЖЯ и особенностям их передачи. ЖЯ находятся в очень необычной для естественных языков ситуации, когда традиционный способ передачи языка от родителей к детям - не норма, а исключение. Так как глухота бывает не только врожденной, но и приобретенной (лишь 10% глухих детей рождаются в семьях глухих), усвоение языка чаще происходит не в семье, а в школе или в обществах глухих, поэтому очень

высока роль образования и языкового взаимодействия между носителями. Важнейшим событием в истории ЖЯ является Миланский конгресс (1880 г.), на котором было принято решение, что так называемый «оралистский метод», когда глухих детей учат звуковым языкам и запрещают пользоваться жестами, более эффективен, чем использование ЖЯ в образовании. Этот конгресс оказал влияние на функционирование школ для глухих практически во всем мире, привел к понижению статуса ЖЯ и затруднил их передачу. Другая особенность ЖЯ - это то, что они потенциально являются вымирающими: в настоящий момент в развитых странах кохлеарная имплантация (операция по восстановлению слуха) применяется почти ко всем глухим детям, после чего эти дети не учат жестовые языки. Однако социолингвистическая ситуация в разных странах различна, и этому посвящены первые шесть глав книги, где рассматривается история образования глухих в различных странах, организации глухих, статус ЖЯ, а также влияние кохлеарной имплантации. В книге не обсуждается ситуация с ЖЯ в США, Великобритании и других странах, о которых написано достаточно много литературы. Следует, однако, заметить, что некоторые названия глав вводят читателя в заблуждение: например, в главе 6, которая называется «Передача жестовых языков в Африке», на самом деле рассматривается только ЖЯ Уганды; названия других глав тоже часто шире их реального содержания.

В главе 2, написанной П. Бойсс Брэм и К. Ратманом, описываются ЖЯ германских стран, а именно Германии, Швейцарии и Голландии. Ситуация в Швейцарии интересна тем, что там используются три ЖЯ: швейцарский немецкий, швейцарский французский и швейцарский итальянский, – каждый из которых имеет несколько региональных вариантов. Во всех странах первые школы появились в конце XVIII – начале XIX в. В конце XIX в. под влиянием Миланского конгресса оралистский метод стал основным в обучении глухих. В начале XX в. под влиянием евгенических и нацистских идей были запрещены браки между глухими, также применялась насильственная стерилизация людей с наследственной глухотой; в Германии в годы национал-социализма глухие подверглись массовым репрессиям. В настоящее время 80% глухих детей получают кохлеарные импланты, что приводит к резкому уменьшению количества детских садов и школ для глухих. С другой стороны, в Германии отношение к ЖЯ изменилось в лучшую сторону в 1970–80-е гг. вследствие активной деятельности обществ глухих, а также лингвистических исследований, которые показали, что ЖЯ являются полноценными естественными языками. В начале 1990-х гг. появились школы с использованием билингвального метода, т. е. такого, при котором в обучении применяется и ЖЯ, и звуковой язык. Во всех странах имеется достаточное количество квалифицированных переводчиков, в Германии и Нидерландах у глухих есть доступ к высшему образованию. В целом история ЖЯ в германских странах характеризуется тем, что отношение к ЖЯ было негативным почти все время до 1980-х гг. и сейчас роль ЖЯ снова уменьшается из-за распространения кохлеарной имплантации.

В главе 3, написанной К. Рэмси и Д. Кинто-Пососом, описывается положение ЖЯ в Мексике. Особенность этой страны заключается в том, что единственная школа, применявшая в обучении ЖЯ, была закрыта в 1967 г. и оралистский метод полностью определил образование глухих. Авторы провели интервью с несколькими бывшими выпускниками этой школы и пришли к выводу, что мексиканский ЖЯ не мог стабильно передаваться из поколения в поколение ни в семьях, ни в школах, ни в обществах глухих. Кроме того, мексиканский ЖЯ находится в постоянном контакте с американским ЖЯ из-за миграции между двумя странами, что тоже отрицательно влияет на стабильность этого языка. Исследователи утверждают, что мексиканский ЖЯ не является вымирающим из-за того, что глухота в целом сохраняется, но подвергают сомнению его непрерывность во времени. В главе также приве-

ден обзор социолингвистической литературы о ЖЯ в других странах Латинской Америки.

В главе 4, написанной Б. Бергман и Е. Энгберг-Педерсен, обсуждаются ЖЯ Скандинавии, а именно датский, финский и шведский ЖЯ. Датский ЖЯ имеет историю, схожую с историей ЖЯ германских стран, рассмотренных в главе 2. Первая школа, в которой обучали глухих детей, появилась в начале XIX в. В конце XIX в. распространение приобрел оралистский метод. В 1980-х гг. билингвальный метод также применялся в некоторых школах, однако в настоящее время из-за кохлеарной имплантации он теряет популярность. Распространению ЖЯ также способствуют клубы и организации глухих. Переводчики ЖЯ получают полноценное университетское образование, но лингвистическое изучение ЖЯ почти отсутствует. В Финляндии первая школа для глухих появилась во второй половине XIX в. и почти сразу основным методом стал орализм, а глухие учителя были исключены из образования. Популярность ЖЯ начала расти с 1960-х гг., однако сейчас она снова снижается из-за кохлеарной имплантации. ЖЯ распространяется не только через школы, но и через клубы глухих, телевидение и церковь. Глухим доступно университетское образование, существует подготовка квалифицированных переводчиков, право на использование ЖЯ упоминается в конституции. В Швеции первая школа для глухих была организована в начале XIX в., но уже к середине XIX в. орализм стал основным методом. Однако в 1960–70-е гг. Шведская национальная ассоциация глухих развернула активную борьбу за использование шведского ЖЯ, в 1981 г. этот язык (первый в мире) получил статус официального, а билингвизм стал основным методом в образовании глухих. В настоящее время в связи с кохлеарной имплантацией роль ЖЯ снижается, но, в отличие от других стран, многие имплантированные дети обучаются ЖЯ наряду со звуковым языком. Университетское образование доступно на ЖЯ, кроме того, ЖЯ изучается как иностранный в некоторых университетах. ЖЯ используется на телевидении, в театре и кино.

В главе 5, написанной Дж. Кером, Л. Мациони и Г. Сапундзакис, описывается языковая ситуация в Греции, Испании (где существуют два ЖЯ: испанский и каталанский) и Италии. В Испании и Греции ЖЯ имеют официальный статус, а в Италии официальный статус ЖЯ находится на рассмотрении в правительстве. Испания и Италия примечательны тем, что первые частные образовательные учреждения для глухих появились в этих странах еще в XVI в., тогда же в Испании был разработан первый дактильный алфавит. Первые государственные

школы для глухих появились в Испании и в Италии в конце XVIII в. В Греции первая школа появилась лишь во второй половине XX в.; вскоре там обрел популярность метод тотальной коммуникации (когда для обучения используются все возможные средства общения, включая жестовый и звуковой язык). В Италии и Испании, напротив, в последние годы наблюдается тенденция к обучению глухих детей среди слышащих для лучшей интеграции (mainstreaming), что, по утверждению авторов, зачастую дает отрицательный результат, так как дети не интегрируются ни в среду слышащих, ни в среду глухих носителей ЖЯ. В высшем образовании ЖЯ практически не используется. Значительную роль в этих странах играли клубы и объединения глухих, однако сейчас из-за развития технологий, таких как видеочаты, их роль уменьшается. Авторы отмечают, что в последнее время растет число профессиональных переводчиков.

В главе 6, написанной Д. Луле и Л. Валлином, описывается положение ЖЯ в Уганде. Ситуация в этой стране интересна тем, что ЖЯ там имеет официальный статус с 1995 г., но на деле язык находится в очень сложном положении. В Уганде есть несколько школ для глухих (с середины XX в.), однако не во всех районах страны, поэтому для многих глухих детей никакое образование не доступно. Некоторые глухие усваивают ЖЯ уже во взрослом возрасте с помощью объединений и клубов глухих. Интерес представляет также то, что в Уганде используются около 50 звуковых языков, которые могут взаимодействовать с ЖЯ, при этом большинство глухих учат английский как единственный письменный язык. Также известно, что ЖЯ в Уганде подвергался влиянию американского и кенийского ЖЯ. Несмотря на официальный статус ЖЯ, авторы отмечают нехватку переводчиков, отсутствие ЖЯ на телевидении и низкую осведомленность населения Уганды в целом о том, что такое ЖЯ. В отличие от всех стран, упомянутых выше, по экономическим причинам в Уганде практически нет кохлеарной имплантации.

В главе 7, написанной П. Войдой, обсуждается положение ЖЯ в Польше. Согласно автору, образование глухих в Польше началось в XVIII в. Войда пишет, что, как и в других странах, в Польше существуют разные жестовые системы: естественный ЖЯ, искусственный ЖЯ, который использует грамматику (звукового) польского, а также «пиджины», в которых смешивается грамматика звукового и жестового языков. Хотя в 1980-х гг. началось вовлечение ЖЯ в образование глухих, использовалась в первую очередь искусственная жестовая система (которая воспринималась как

более «грамотный» вариант ЖЯ), что привело к неудовлетворительным результатам. По словам автора, глухие в Польше не воспринимают себя как единую социолингвистическую группу и понятие «культуры глухих» (deaf culture) неприменимо к этой стране. В образовании естественный ЖЯ практически не используется. Стоит заметить, что состояние ЖЯ и образование глухих в Польше во многом схожи с Россией, см. [Зайцева 2006].

Во второй части, по словам редактора, описаны характерные особенности грамматики ЖЯ. Главы в этой части, однако, довольно разнородны. В некоторых, таких как глава 17, содержится обзор явлений, действительно характерных для ЖЯ. В других, как в главе 10, описывается явление, наблюдаемое в одном или двух ЖЯ, причем не совсем ясно, почему это явление считается свойственным именно ЖЯ.

Глава 8, написанная Х. ван дер Хюлстом и Р. Шеннон, посвящена системам записи жестов. Авторы различают системы письма, системы транскрипции и системы кодирования. Системы письма, такие как SignWriting (www.signwriting.org), при помощи ограниченного набора символов передают форму жестов. В отличие от систем письма устных языков, в системе SignWriting поддерживается взаимно-однозначное соответствие между графической и фонологической формой жеста, поэтому эта система также может использоваться для транскрипции. В качестве примера системы, разработанной специально для транскрипции, обсуждается система HamNoSys [Prillwitz et al. 1989], принципиальное отличие которой от SignWriting заключается в том, что графические символы записываются только последовательно, в то время как в SignWriting взаимное расположение символов мотивировано формой записываемого жеста. Авторы главы утверждают, что системы письма и транскрипции не годятся для масштабных лингвистических исследований, и предлагают систему кодирования жестов SignTyp, в которой фонологическое описание жеста представлено в виде таблицы, где вся информация записана обычным языком без использования специальных символов.

Глава 9, написанная Г. Матуром и К. Ратманом, называется «Глагольное согласование в морфологии жестовых языков». Глаголы в большинстве известных ЖЯ могут согласовываться с аргументами: форма движения руки в жесте-глаголе изменяется в зависимости от лица и числа дополнения или подлежащего. Авторы главы подробно обсуждают различные свойства глагольного согласования в ЖЯ и утверждают, что его можно считать прототипическим согласованием по критериям из [Corbett 2006].

Авторы делают типологическое наблюдение: глаголы в ЖЯ универсально согласуются по лицу, но не по числу. Авторы также обсуждают психолингвистические и диахронические доказательства того, что согласование в ЖЯ имеет лингвистический статус. Однако без внимания остается вопрос, почему в ЖЯ согласование с дополнением часто является обязательным, а согласование с подлежащим переходного глагола опционально, в отличие от звуковых языков. Также не упоминается согласование непременных глаголов с подлежащим, которое в принципе встречается в ЖЯ.

Глава 10, написанная С. Дзукки, К. Нейдл, К. Герачи, К. Даффи и К. Чеккетто, называется «Функциональные маркеры в жестовых языках», однако в ней содержится не обзор функциональных маркеров в целом, а анализ двух маркеров перфектива в американском и итальянском ЖЯ. Жесты FINISH и FATTO в этих языках могут использоваться как самостоятельные глаголы со значением 'закончить', а также как показатели перфективности и предшествования:

- (1) ORA CAFFÈ BERE FATTO
 сейчас кофе пить PERF
 'Теперь я выпил кофе' (с. 203).

Ни тот, ни другой жест не сочетаются с отрицанием; для выражения соответствующего значения используются отдельные жесты с отрицательным значением, такие как NOT-YET 'еще не' в американском ЖЯ. Авторы главы предлагают объяснение этого факта в рамках теории дистрибутивной морфологии (distributed morphology).

В главе 11, написанной Р. Мюллер де Квадрос и Д. Лилло-Мартин, описывается синтаксическая структура предложений в американском и бразильском ЖЯ. Эти языки обладают схожим синтаксисом. В обоих языках базовым порядком слов является SVO, однако другие порядки тоже возможны; модальные глаголы предшествуют смысловым. В бразильском ЖЯ существует также вспомогательный глагол, который является носителем глагольного согласования. Порядок слов в этих ЖЯ модифицируется различными операциями (передвижениями): топиализацией (в начальную позицию), передвижением объекта в предглагольную позицию (если глагол согласуется или маркирован показателем аспекта), контрастной фокализацией (передвижение в начальную позицию) и эмфатическим передвижением. Авторы предлагают структуру составляющих для американского и бразильского ЖЯ. Они считают, что структура составляющих различна для предложений с согласующимися и несогласующимися гла-

голами, в качестве подтверждения своей точки зрения приводя различия в позиции объекта и отрицания, а также в возможности опускать аргументы.

В главе 12, написанной Е. Энгберг-Педерсен, обсуждаются классификаторные конструкции в ЖЯ. Классификаторные конструкции – это жесты, форма руки в которых обозначает класс объекта, а движение и локализация – движение или локализацию участника ситуации, т. е. в этих жестах все компоненты (обычно считающиеся фонологическими) являются значащими. Существуют различные подходы к анализу этих конструкций: от лингвистических [Supalla 1986] до полностью нелингвистических, таких как анализ в [Cogill-Koez 2000], где утверждается, что классификаторные конструкции – это система шаблонного визуального представления (templated visual representation), подобная системе рисования у некоторых народов. Автор главы изучила использование классификаторных конструкций в девяти ЖЯ. В частности, она детально обсуждает, как возможности ЖЯ используются для передачи прототипических и непрототипических пространственных ситуаций, и приходит к выводу, что форма классификаторных конструкций регулируется такими факторами, как лексикализация, шаблонное визуальное представление, метонимия, фокус внимания и простота воспроизведения. Стоит отметить, что, обсуждая различные подходы к анализу классификаторных конструкций, автор уделяет основное внимание нелингвистическим подходам и не упоминает, например, работу [Zwitserlood 2003], в которой содержится их обоснованная критика.

В главе 13, написанной Д. Brentari и П. Эккарриус, обсуждается форма руки как фонологический параметр жеста. Жест в ЖЯ состоит из нескольких компонентов: формы руки, движения, локализации, – которые сравниваются с фонемами в звуковых языках (см., например, [Brentari 1998]). Форма руки определяется положением суставов и так называемыми «выбранными пальцами» (т. е. пальцами, которые участвуют в конфигурации в жесте); все эти параметры можно сравнить с дифференциальными признаками фонем. Авторы обсуждают три явления: использование формы руки с тремя wybranными пальцами, использование особой формы руки, когда некоторые пальцы согнуты сильнее, чем другие, и использование различных возможностей в выборе суставов и пальцев в разных типах классификаторных конструкций. При помощи этих явлений в трех ЖЯ (американском, швейцарском немецком и гонконгском) авторы показывают, что дифференциальные признаки в ЖЯ чаще выделяются на основании типов оппозиций, не похожих

на оппозиции в звуковых языках. Так, довольно трудно найти минимальные пары жестов, различающиеся одним признаком; также в ЖЯ отсутствуют аллофоны, т.е. два основных для звуковых языков типа оппозиций в ЖЯ используются мало. В ЖЯ дифференциальные признаки участвуют в «едва контрастивных» (*barely contrastive*) оппозициях, в не полностью интегрированных полуконтрастах и в случаях умеренной асимметрии. Эти виды контрастных отношений присутствуют и в фонологии звуковых языков [Goldsmith 1995], однако там они играют меньшую роль.

В главе 14, написанной Т. Янтуненом и Р. Таккинен, обсуждается структура слога в ЖЯ. В звуковых языках определение слога связано с понятием сонорности; исследователи ЖЯ считают, что наиболее сонорным (= заметным для восприятия) компонентом жеста является движение, поэтому слог в ЖЯ определяется как сегмент, содержащий движение. Авторы статьи утверждают, что степень сонорности зависит от размера движения и, следовательно, от артикулятора, которым движение осуществляется: наиболее сонорным они считают движение тела или головы, затем следуют движения рук (причем движение с использованием плечевого сустава наиболее, а движение с использованием суставов пальцев – наименее сонорно), еще менее сонорными являются движения губ. Авторы приводят несколько аргументов в пользу того, что именно сегмент с одним движением параллелен слогу в звуковых языках. Например, в жестовых языках, как и в звуковых, слово состоит как минимум из одного слога, т.е. жест-слово не может существовать без движения. Кроме того, исследования глухих детей в доязыковой стадии показывают, что лепет в жестовых языках, как и в звуковых, на определенном этапе имеет слоговую структуру. Также в этой главе обсуждается внутреннее устройство слога. Согласно авторам, существует два основных взгляда на природу движения: движение как сегмент и движение как супraseгментная единица, подобная тонам в тоновых звуковых языках. По мнению авторов, супraseгментный анализ движения в ЖЯ более убедителен.

В главе 15, написанной Ш. Вилкоксом, П. Россини и Е.А. Пиццито, описывается грамматикализация в ЖЯ. Согласно авторам этой главы, грамматикализация в ЖЯ происходит по одному из двух возможных сценариев: 1) жестикуляция (*gesture*) превращается в лексическую единицу, которая затем превращается в грамматический показатель, и 2) жестикуляция превращается в просодические единицы, которые затем превращаются в грамматические показатели. В частности, обсуждается грамма-

тикализация модального глагола со значением 'невозможно' в итальянском ЖЯ; по версии авторов, он происходит из жеста [ПЕРЕКРЕСТИТЬ] в жестикуляции слышащих людей, который затем приобрел значение 'смерть' (в том числе в жестикуляции слышащих), а смерть связана со значением невозможности в будущем, откуда и возникло модальное значение. Хотя авторы ссылаются на закономерности грамматикализации в звуковых языках, они не указывают, засвидетельствованы ли такие семантические переходы в каких-либо иных языках, кроме итальянского ЖЯ. Второй путь грамматикализации относится к манере движения в жесте: жест может выполняться медленно или быстро, с усилием и т.д. Манера движения во многих ЖЯ используется как просодический элемент: ударение, фразовый акцент. Авторы также считают, что глагольный аспект, который выражается как раз различной манерой движения, – это результат грамматикализации просодии. Таким образом в ЖЯ элементы просодического уровня могут грамматикализироваться в морфологические показатели, минуя лексический уровень. Утверждение авторов о том, что описанные выше пути грамматикализации – единственные возможные для ЖЯ, кажется слишком категоричным, так как предполагает, что все жесты ЖЯ происходят из жестикуляции звуковых языков, что, очевидно, не так (как минимум, жесты появляются и путем заимствования из звуковых и жестовых языков). Также в этой работе отсутствует ссылка на [Steinbach, Pfau 2007], где подробно разбираются различные пути грамматикализации в ЖЯ мира.

В главе 16, написанной Р.Б. Вилбур, обсуждается маркирование аспекта в американском ЖЯ (однако автор предполагает, что большинство выводов справедливы и для других ЖЯ). В главе формулируется и доказывается «гипотеза видимости события» (*event visibility hypothesis*), согласно которой структура события находит визуальное отражение в фонологической форме глагольных жестов в ЖЯ. Так, глагольные жесты, обозначающие предельные события, имеют четкую конечную точку движения, в которой жест останавливается, а жесты, которые обозначают неопредельные события, такой точки не имеют. Например, жест HIT 'ударить' в американском ЖЯ, который является предельным, имеет конечную точку движения, а в жесте RIDE-A-BICYCLE 'сехать на велосипеде', который описывает процесс, движения (по кругу) повторяются без конечной и начальной точки. Таким образом, начальные и конечные точки в жестах означают начальные и конечные состояния событий, а движение в жесте означает процесс или переход из одного состояния в другое. Гомогенность события отражается так-

же в движениях губ: если событие гомогенно, то губы на протяжении жеста сохраняют одно положение, если же событие гетерогенно, т. е. содержит смену в состоянии или процессе, то происходит и смена положения губ в течение жеста. Так как в ЖЯ структура события прямо отражается на форме жеста, различные ЖЯ имеют очень схожие средства выражения аспекта. Стоит отметить, что статья написана достаточно сложно, с применением специальной терминологии, и вряд ли подходит для первого ознакомления с данной темой: для этих целей можно было бы рекомендовать более раннюю статью того же автора [Wilbur 2008].

В главе 17, написанной Р. Пфау и Дж. Кером, обсуждается немануальный компонент в ЖЯ. Исследователи ЖЯ давно установили, что значительная часть информации в этих языках передается не при помощи рук, а при помощи движений и положения головы и тела, направления взгляда и выражения лица (движений различных частей лица). В данной главе предлагается классификация немануальных маркеров согласно их функции. Так, выделяются фонологические немануальные маркеры, когда, например, движение головы является обязательной частью жеста. Существуют также морфологические (лексические) немануальные маркеры, когда немануально маркируются адъективные и адвербиальные значения, такие как 'большой', 'маленький', 'постоянно', 'беззаботно' и т.д. К синтаксическим немануальным маркерам относятся маркеры отрицания (например, повороты головы и опущенные брови), подтверждения, вопросы разных типов, маркеры топикализации, условных и относительных предложений, согласования, фокуса. Синтаксический статус этих немануальных маркеров подтверждается регулярностью (и, часто, обязательностью) их использования и совпадением их границ с синтаксическими границами. Некоторые немануальные маркеры распространяются и на единицы просодического уровня. Например, в ряде языков движение губ (mouthing) не синхронизируется с жестами, а распространяется на группу жестов, соответствующих просодическим словам. Немануально (например, морганием и движениями головы) могут маркироваться и границы просодических единиц. В целом эта глава является лишь обзором существующей литературы о немануальных маркерах в ЖЯ, в ней не выдвигается новых гипотез и не приводятся новых фактов.

В третьей части, по замыслу редактора, описывается вариативность и исторические изменения в ЖЯ. Стоит обратить внимание на то, что вариативность понимается очень широко – от диалектной вариативности до языкового разнообразия на территории одного региона

среди неродственных ЖЯ. Как и во второй части, некоторые главы являются обзорными (главы 18, 20, 22), а в некоторых описывается довольно узкая проблематика (главы 23, 24).

В главе 18, написанной В. Нист, анализируется разнообразие ЖЯ в Западной Африке. Главной чертой этого региона является то, что в нем используются как местные ЖЯ, так и варианты ЖЯ других стран, например американский и французский ЖЯ. В середине XX в. в странах Западной Африки действовал глухой американский миссионер Э. Фостер, который организовал 29 школ для глухих в разных странах региона. В этих школах в преподавании использовался американский ЖЯ, поэтому во многих странах он и стал основным: например, ганский и нигерийский ЖЯ являются вариантами американского ЖЯ (с добавлением местных жестов и фонетическими особенностями). В этой главе также обсуждаются местные ЖЯ, которые возникли без влияния извне. Например, в деревнях Адаморобе и Накан (Гана), где из-за большого числа близкородственных браков часто встречается наследственная глухота, используются ЖЯ, которые не являются родственными (и взаимопонятными) ганскому ЖЯ. Они обладают рядом фонетических и морфологических особенностей, которые резко отличают их от так называемых городских ЖЯ: это расслабленные формы руки, отсутствие классификаторных конструкций, особое использование иконичности. Также в этой главе обсуждаются ЖЯ Мали, Нигерии и Сенегала.

В главе 19, написанной К. Аль-Фитйани и К. Падден, рассматривается вопрос языкового родства ЖЯ в арабских странах. Исследовательницы используют лексическое сравнение для того, чтобы показать, что ЖЯ арабских стран (иорданский, кувейтский, ливийский, палестинский ЖЯ и ЖЯ бедуинской деревни Аль-Сайид в Израиле) не являются диалектами одного языка и, скорее всего, не являются родственными языками вообще. Метод лексического сравнения уже применялся для установления родства ко многим ЖЯ мира, однако не существует общепринятых процедур его использования. Так, для установления общего происхождения жестов из разных ЖЯ обычно сравнивается их форма: совпадают ли все параметры жеста. Однако разные исследователи используют разное число параметров для описания жеста (например, не все считают параметром ориентацию ладони, а также немануальный компонент жеста). Кроме того, не все исследователи согласны и с тем, какое число параметров в жестах должно совпадать для того, чтобы считать их происхождение общим. Методологические решения зачастую принимаются без обоснований (этим страдает и дан-

ная работа), и разные исследователи получают разные результаты. Так, в данной главе утверждается, что описываемые языки не являются родственными (и взаимопонятными), а в работе [Hendriks 2008] (на которую Аль-Фитйани и Падден удивительным образом не ссылаются) автор, используя несколько другую методологию, приходит к почти противоположным выводам относительно некоторых языков той же совокупности.

Глава 20, написанная С. Лукас и Р. Бейли, представляет собой обзор истории изучения вариативности в американском ЖЯ и основных результатов в этой области. Как и звуковые языки, ЖЯ вариативны, и, как и в звуковых языках, в ЖЯ варьирование присутствует на всех уровнях: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, дискурсивном. На основании многочисленных исследований вариативности в американском ЖЯ авторы утверждают, что факторы, которые влияют на выбор того или иного параметра, в ЖЯ те же, что и в звуковых языках: внутренние (требования системы) и внешние (социолингвистические характеристики носителей). Авторы также описывают одну особенность варьирования в ЖЯ: фонологический контекст меньше влияет на выбор того или иного варианта, чем в звуковых языках, что, возможно, объясняется одновременностью в фонологии и морфологии ЖЯ (то есть тем фактом, что, например, форма руки, локализация и движение в жесте реализуются одновременно, а не последовательно). Кроме того, во многих жестах в ЖЯ может использоваться как одна, так и две руки, и этот тип варьирования, очевидно, возможен только в ЖЯ. В целом эта глава имеет обзорный характер, но авторы также приводят список проблем, которые нуждаются в дальнейших исследованиях.

В главе 21, написанной А. Шембри, К. Кормьер, Т. Джонстоном, Д. Макки, Р. Макки и Б. Волл, описывается вариативность в британском, австралийском и новозеландском ЖЯ. Эти языки имеют общее происхождение, так как ЖЯ Австралии и Новой Зеландии были «завезены» туда из Великобритании в XIX в. Лексическое сравнение показывает, что и сейчас эти языки очень близки; грамматически они также мало отличаются. В главе обсуждается вариативность в этих языках на лексическом, фонологическом и синтаксическом уровнях. Авторы показывают, что на лексическом уровне наблюдается региональная вариативность, возраст носителей также играет роль, а их пол и этническая принадлежность роли не играют. Вариативность на лексическом уровне затрагивает такие зоны, как цветообозначения, дни недели, названия мест, система числитель-

ных. На фонологическом уровне обсуждается использование одной или двух рук, фонологические особенности числительных и параметр локализации. На синтаксическом уровне вариативность касается степени влияния (звукового) английского языка на синтаксис ЖЯ, также обсуждается возможность опущения подлежащего (*pro-drop*).

В главе 22, написанной С. Фишер и Ц. Гун, обсуждаются особенности языков Восточной Азии, а именно китайского и гонконгского ЖЯ (которые имеют общее происхождение) и японского, тайваньского и корейского ЖЯ (которые тоже являются родственными). Описываются некоторые свойства грамматики этих ЖЯ, которые отличают их от европейских. Основной особенностью является то, что в данном регионе используется иероглифическое письмо, которое инкорпорировано в ЖЯ. Иероглифы передаются как специальными формами руки, так и жестами, очерчивающими их формы. Более того, иероглифические символы полностью вошли в грамматику этих ЖЯ, что доказывается, например, существованием согласующихся глагольных жестов, которые происходят из иероглифов. Кроме того, в японском ЖЯ используется и пальцевый алфавит, основанный на американском алфавите, несколько алфавитов применяется и в китайском ЖЯ, а в тайваньском и гонконгском ЖЯ пальцевые алфавиты не используются вообще (что отличает их от европейских ЖЯ). Другой региональной особенностью грамматики является наличие категории рода (пола) в этих ЖЯ: используются классификаторы, обозначающие мужчин и женщин. Также авторы утверждают, что функционирование немануальных маркеров в этих ЖЯ отличается от немануального поведения носителей европейских ЖЯ: немануальное маркирование топиков обычно не встречается, отсутствует и распространение немануальных маркеров на группы жестов.

В главе 23, написанной Г. Тан, Д. Брентари, К. Гонсалес и Ф. Зе, излагаются результаты экспериментального исследования по установлению просодической функции морганий в четырех ЖЯ: гонконгском, китайском, швейцарском немецком и американском. Ранее (см. [Wilbur 1994]) было показано, что в американском ЖЯ моргания приходятся на границы интонационных фраз, а в звуковых языках такой связи не выявлено. Авторы описывают результаты трех исследований. Первое исследование дало понять, что частота морганий в четырех ЖЯ различается: она гораздо выше в гонконгском ЖЯ, чем в остальных; при этом частота морганий в звуковых языках соответствующих стран не различается. Как следует из второго исследования, во всех ЖЯ, кроме гонконгского, моргания

регулярно происходят на границах интонационных групп (выявленных на основании других просодических критериев) и только там; в соответствующих звуковых языках такой корреляции также не наблюдалось. В гонконгском ЖЯ границы большинства интонационных групп тоже маркированы морганием, но моргания появляются и внутри интонационных групп. Соответственно, в третьем исследовании детально описаны моргания в гонконгском ЖЯ и показано, что там они маркируют границы не только интонационных, но и просодических групп (элементов более низкого уровня). Таким образом, моргания в ЖЯ (в отличие от звуковых языков) имеют четко выраженную просодическую функцию, однако разные ЖЯ различаются выбором просодической составляющей, границы которой маркируются морганиями.

В главе 24, написанной М. Копполой и А. Сенгас, описывается развитие системы указательных жестов в никарагуанском ЖЯ. В Никарагуа ЖЯ появился только в конце 1970-х гг., когда возникла первая школа для глухих. Исследовательницы сравнивали язык четырех групп: носителей ограниченной «домашней» жестовой системы, которая не является языком (*home signers*), а также учеников школы для глухих трех разных поколений: тех, кто учился до середины 1980-х, тех, кто учился с середины 1980-х до 1990 г., и тех, кто учился после 1990 г.; таким образом, можно проследить развитие языка из доязыковой жестикуляции. Указательные жесты в ЖЯ могут использоваться так же, как указательные жесты в жестикуляции слышащих, т. е. для обозначения места или человека в непосредственном окружении говорящего, но кроме того они могут использоваться и для обозначения референтов, локализованных в жестовом пространстве (когда отсутствующие в непосредственном физическом окружении референты ассоциируются со случайными локализациями в пространстве), а также в качестве детерминантов (для выражения определенности). Исследовательницы сравнивали количество локативных и нелокативных демонстративов в речи четырех групп людей, а также синтаксическое окружение, в которых использовались указательные жесты. Они обнаружили, что локативная функция демонстративов присутствует во всех четырех группах, а нелокативная (указание на референтов, локализованных в жестовом пространстве) развивается постепенно, от поколения к поколению. В главе также обсуждаются параллели между этим развитием в ЖЯ и процессом грамматикализации в звуковых языках: общей чертой является, например, развитие более абстрактного значения (личное местоимение) из более конкретного (указание на точку в пространстве).

В последней, 24 главе, написанной К. Падден, И. Меир, М. Ароновым и В. Сэндлер, обсуждается развитие глагольного согласования в израильском ЖЯ и аль-сайидском бедуйнском ЖЯ. Оба языка являются относительно молодыми: в деревне Аль-Сайид ЖЯ возник три поколения назад, в Израиле ЖЯ появился около 75 лет назад. В обоих ЖЯ глагольное согласование присутствует в грамматике в значительно меньшей степени, чем в европейских ЖЯ, и только среди молодых носителей израильского ЖЯ система согласования относительно развита. Среди более старших носителей израильского ЖЯ и среди носителей аль-сайидского ЖЯ руки в глагольных жестах двигаются только перпендикулярно телу (от или к говорящему), т. е. отсутствует механизм расстановки референтов в пространстве с последующим изменением формы глагола для согласования с этими референтами. Исследователи предполагают, что в ЖЯ согласование появляется (или не появляется) из-за взаимодействия двух противоположных тенденций. Первая тенденция заключается в том, что тело говорящего используется для обозначения подлежащего (идея, предложенная ранее в [Meir et al. 1997]), а вторая тенденция в том, что тело используется для обозначения первого лица. Если первая тенденция побеждает, то глагольное согласование отсутствует, если же тело используется для обозначения первого лица, то референты первого лица располагаются в жестовом пространстве (ср. обсуждение этой проблематики в предыдущей главе) и появляется согласование. Стоит заметить, что сама идея о том, что тело говорящего используется для обозначения подлежащего, не является общепринятой и отражает концепцию данной группы авторов.

Оценивая книгу в целом, стоит отметить такое бесспорное ее достоинство, как привлечение данных большого количества ЖЯ. Кроме того, общий уровень исследований, представленных в книге, является высоким: главы написаны ведущими специалистами в соответствующих областях. Однако возникает целый ряд вопросов к редактору книги. Во-первых, не совсем понятно, на какого читателя ориентирована эта книга: многие главы вряд ли могут быть поняты без предварительного знакомства с лингвистикой ЖЯ, но встречаются и главы, которые, напротив, написаны для неподготовленного читателя и мало что могут сообщить специалисту. Во-вторых, непонятно также, почему часть статей являются обзорными, а часть – узкими исследованиями. Немалой проблемой является и то, что большинство глав в этой книге – это переработки уже изданных статей и книг. Это было бы оправдано, если бы книга в целом отражала какую-то единую

концепцию или была предназначена широкому кругу читателей, однако, как мы видели, это не так: цельность этой книги оставляет желать лучшего. В-третьих, разбиение книги на части является довольно условным. Наконец, как уже отмечалось выше, названия глав часто не соответствуют их содержанию: вместо описания передачи ЖЯ в Африке в главе 7 содержится лишь характеристика языковой ситуации в одной африканской стране и т. д.

Таким образом, можно заключить, что эта книга несомненно заслуживает внимания тех, кто серьезно заинтересован жестовой лингвистикой, но она не слишком подходит для «вводного» чтения по этой теме. С другой стороны, большая часть информации, содержащейся в этой книге, доступна в виде ранее издававшейся литературы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зайцева 2006 – *Г.И. Зайцева*. Жест и слово: научные и методические статьи. М., 2006.
- Brentari 1998 – *D. Brentari*. A prosodic model of sign language phonology. Cambridge, 1998.
- Cogill-Koez 2000 – *D. Cogill-Koez*. Signed language classifier predicates: Linguistic structures or schematic visual representation? // Sign language and linguistics. 2000. V. 3. № 2.
- Corbett 2006 – *G.G. Corbett*. Agreement. Cambridge, 2006.
- Goldsmith 1995 – *J. Goldsmith*. Introduction: phonotactics, alternations, contrasts; representations, rules, levels // J. Goldsmith (ed.). Handbook of phonological theory. Oxford; Cambridge, 1995.
- Hendriks 2008 – *B. Hendriks*. Jordanian sign language: Aspects of grammar from a cross-linguistic perspective. Utrecht, 2008.
- Meir et al. 2007 – *I. Meir, C. Padden, M. Aronoff, W. Sandler*. Body as subject // JL. 2007. V. 43.
- Prillwitz et al. 1989 – *S. Prillwitz, R. Leven, H. Zienert, T. Hanke, J. Henning et al.* Hamburg notation system for sign language: An introductory guide. Hamburg, 1989.
- Steinbach, Pfau 2007 – *M. Steinbach, R. Pfau*. Grammaticalization of auxiliaries in sign languages // P. Perniss, R. Pfau, M. Steinbach (eds.). Visible variation: Comparative studies on sign language structure. Berlin, 2007.
- Supalla 1986 – *T. Supalla*. The classifier system in American sign language // C.G. Craig (ed.). Noun classes and categorization. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
- Wilbur 1994 – *R.B. Wilbur*. Eye blinks and ASL phrase structure // Sign language studies. 1994. № 84.
- Wilbur 2008 – *R.B. Wilbur*. Complex predicates involving events, time and aspect: Is this why sign languages look so similar? // J. Quer (ed.). Signs of the time: Selected papers from TISLR 2004. Hamburg, 2008.
- Zwitserlood 2003 – *I. Zwitserlood*. Classifying hand configurations in Nederlandse gebarentaal (Sign language of the Netherlands). Utrecht, 2003.

В И. Киммельман

Сведения об авторе:

Вадим Игоревич Киммельман
Амстердамский университет
v.kimmelman@uva.nl